

Валерий Любачевский

Будь ближе к врагу твоему...

Психологический детектив

Валерий Любачевский

Будь ближе к врагу твоему...
Психологический детектив

«Издательские решения»

Любачевский В.

Будь ближе к врагу твоему... Психологический детектив /
В. Любачевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831396-7

В маленьком прибалтийском городке кипят нешуточные страсти: неизвестный преступник совершил убийство очень важного человека. Но почему-то следователям пытаются помешать найти виновного и разыскать похищенные у него документы... Автор книги — бывший сотрудник милиции, он показывает нам все перипетии «изнутри». Ярко выписанные персонажи, непростая интрига, неожиданные повороты действия — всё это делает книгу очень интересной.

ISBN 978-5-44-831396-7

© Любачевский В.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

29

Будь ближе к врагу твоему...

Психологический детектив

Валерий Любачевский

© Валерий Любачевский, 2016

ISBN 978-5-4483-1396-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Этот небольшой, обдуваемый с трех сторон пронзительными ветрами Балтийского моря город на северо-западе Латвии мог бы показаться приезжим и большинству местных жителей сонным и провинциально-спокойным. Тихие, мощенные булыжником улочки Старого города, средневековая крепость – резиденция курляндских герцогов, зелень парков и скверов – все это настраивало приезжих и горожан на степенный, неспешный лад. Слегка запыленные (бризы, будь они неладны...) новые кварталы не портили общего впечатления, так как город застраивался широко и привольно.

Благодатную картину дополнял широкий, очень чистый, песчаный морской пляж. Правда, после десяти вечера он закрывался и пограничники распахивали там контрольно-следовую полосу. Но это не очень мешало обывателям, давно привыкшим к укладу жизни приграничного городка.

Город делился на две части широкой рекой, впадающей в Балтийское море, по берегам ее раскинулись производственные районы одного из крупнейших на побережье Советской Балтики морских портов. Собственно, город и начинался восемьсот лет тому назад с построенного тевтонами порта. Ответвление Гольфстрима омывало побережье, заходя в устье реки, вследствие чего оно даже в самую суровую зиму не покрывалось льдом. И это был единственный никогда не замерзающий порт Советской Балтики, что делало патриархальный городок в стратегическом пункте на карте СССР.

А где порт, – там, естественно, и все сопутствующие ему «прелести»: контрабанда, рэкет, махинации с валютой, проституция, сутенерство. Вокруг этого «букета» роились бандиты и жулики всех мастей, как местные, так и залетные. Иностранные разведки тоже любопытствовали: на границе территориальных вод постоянно курсировало натовское разведывательное судно. Со своей стороны, Москва делала все для максимального укрепления обороноспособности края. Город и район были наспигованы воинскими частями и пограничниками.

На этой небольшой территории пересекались и переплетались интересы могущественных мировых держав, набирающих силу мощных преступных кланов и, рожденных перестройкой финансово-промышленных корпораций, выпестованных бывшими партийными и комсомольскими деятелями. Эти силы боролись между собой, время от времени заключая такие причудливые союзы, что порой совершенно невозможно было понять чьи «уши» торчат из той или иной заморочки.

За всем этим клубком пристально наблюдали вышедшие из подполья националистические группы, иногда пытаясь отщипнуть свой кусочек пирога и мечтая когда-либо разом ухватить весь пирог разом.

А внешне – это был чинный, благопристойный, тихий и уютный городок. И лишь немногие знали, какой бурной жизнью он живет. Эти немногие каждое свое утро начинали с изучения суточной сводки происшествий по городу.

...Начало августа выдалось на удивление погожим. Обычно в это время уже начинались монотонные, изматывающие душу дожди, длившиеся порой неделями. Но сейчас природа, видимо, решила дать людям еще немного насладиться недолгим в этих краях летом. Местные жители говорили: «У нас два месяца в году лето, остальное – осень». Но теперь еще было лето...

Командир танкового полка полковник Митрофанов неспешно подходил к КПП. В этот день он немного задержался на службе и покидал полк уже в сумерках.

– Товарищ полковник, – выскочил из будки КПП дежурный, – разрешите доложить...

– Вольно, – перебил полковник. – Продолжай службу, сынок.

– Вы без машины? – удивился сержант. – Может вызвать?

– Да нет, сегодня я пешком. Вечер уж больно хорош. Иди, служи, сынок!

Вовсе не из-за прекрасного вечера полковник не вызвал машину и отнюдь не домой он направлялся. Капитан Татаринцев со своей ротой находился на полигоне, а дома у него скучала молодая жена Ленка, с которой последние полгода полковник весьма тесно общался, из-за чего, собственно, капитан и пропадал большую часть времени на полигоне, крепя обороноспособность Родины.

Митрофанов никогда не подъезжал на служебной автомашине к дому капитана. Максимум, что он мог себе позволить, – это остановить машину в нескольких кварталах от дома Елены. Дальше он всегда шел пешком. Полковник соблюдал конспирацию. Любовные утехи – дело хорошее, но семья – святое! «Тем более что жена – это дочь высокопоставленного генерала Генштаба», – усмехнулся Митрофанов.

Полковник оглядел себя в большом зеркале, установленном около выхода из КПП, и остался доволен увиденным. С зеркала на него смотрел статный моложавый офицер с холеным породистым лицом. Хорошо сшитый военоторговским портным китель умело скрывал намечающийся животик. Два ряда орденских планок дополняли картину уверенного в себе блестящего военного, а дорогой кожаный кейс в левой руке придавал солидности. Правда, знающий человек отметил бы, что практически все награды – это юбилейные медали, но много ли их, знающих. А знаток регалий, непременно отметил бы планку ордена Красной Звезды, полученного в Афганистане.

Полковник вышел за КПП и вдохнул полной грудью – свежий воздух бодрил. Поднялся на невысокую насыпь подъездных путей, ведущих вдоль территории полка к порту, и, не торопясь, зашагал по шпалам к жилому массиву.

Неспешная прогулка располагает к размышлениям, в данный момент – приятным. К своим тридцати четырем годам полковник Митрофанов сделал прекрасную карьеру (не без помощи тестя, разумеется). Много ли в его годы в армии полковников и командиров полков? А впереди уже маячила Москва, академия Генштаба и, чем черт не шутит, генеральские лампасы. Тесть поможет.

Мысли полковника невольно перенеслись в прошлое. Петя Митрофанов родился и вырос в небольшом селе на Орловщине, но сельская жизнь не привлекала смывленного, наделенного природной хитростью паренька. И тогда он поступил в высшее танковое училище. Удачно женившись на последнем курсе на дочке генштабовского чина, Петя, по мудрому совету тестя, не стал вклиниваться в плотные ряды «папиных сынов», желающих нести службу в «Арбатском военном округе», а уехал в забытый богом и людьми военный городок на Алтае. Молодой, перспективный и, главное, малопьющий офицер, к тому же имеющий связи в Москве, сразу же обратил на себя внимание начальства и стал довольно быстро продвигаться по служебной лестнице, чему в немалой степени помогал тесть. Нет, генерал не давил напрямую на Петино начальство. Просто, зная, к о м у Петя приходится зятем, начальники старались, по возможности, быстрее повысить его в должности, а если пове-

зет – отправить с повышением к другому месту службы. Жена Митрофанова, не обладавшая выдающимися внешними данными, к всеобщему удивлению вовсе не походила на генеральскую дочку. Она всецело посвятила себя карьере мужа, безропотно переезжая с ним от одного места службы к другому, тем более что принимающее начальство старалось максимально комфортно устроить быт семьи молодого офицера. А регулярные денежные переводы из Москвы позволяли не ощущать тех материальных затруднений, которые испытывает большинство офицерских семей. После рождения дочери жена Петра полностью сосредоточилась на семейном благополучии, ревниво оберегая его от всякого возможного вторжения извне.

С возрастом Петр заматерел, приобрел лоск, стараясь внешностью и манерами соответствовать облику успешного офицера. Ничего уже не напоминало в нем робкого деревенского паренька, который много лет назад переступил порог военного училища.

От направления в Афганистан Митрофанов не уклонился – и не прогадал. После Афгана его карьерный рост пошел еще стремительнее: в тридцать три с небольшим он возглавил полк и стал полковником.

Такую блестящую карьеру, конечно же, нужно было оберегать от всяких непредвиденных случайностей. Поэтому-то и конспирируется полковник при встречах с любовницей – никогда не ходит к ней на свидания с цветами. Городок-то небольшой, полковник Митрофанов слишком заметная в нем фигура. А Ленка – умница! Никогда ничего лишнего не попросит и язык умеет держать за зубами. Зато ее рохля Татаринцев недавно до срока стал капитаном и скоро будет выдвинут на должность замкомбата. Кстати, после переезда в Москву надо будет подумать, как перевести Татаринцева поближе к столице. А цветы – вещь необязательная. Зато в «дипломате» лежит бутылка «Хеннеси» и коробка конфет «Вишня в шоколаде», Ленка их обожает. Вот это – вещи нужные, и, главное, легко прячутся в кейсе. А цветы – ненужное и даже опасное баловство. Полковник погладил гладкую кожу кейса. Напоминает чем-то Ленкину кожу – нежную и бархатистую. А какая у нее роскошная фигура! И в постели – фурия... От этих мыслей у Митрофанова сладко защемило в груди, и он вдруг ощутил приятную истому в паху.

Всецело поглощенный сладострастными мечтаниями полковник и не заметил, как от опоры перекинутого через пути пешеходного перехода отделилась неясная тень и быстро, но без звука стала приближаться к нему. Человек-тень двигался стремительно, наступая только на шпалы, чтобы избежать шороха щебенки. В его походке было что-то звериное. Нogu в момент соприкосновения со шпалой он привычно ставил на ребро стопы, и лишь затем стопа полностью опиралась на шпалу, не издавая при этом ни звука. Внешне походка выглядела слегка косолапой, но при этом была стремительной и абсолютно бесшумной...

Полковник вдруг почувствовал, как кто-то легонько тронул его за плечо. Он обернулся, и глаза его округлились от ужаса. Рот ощерился в готовом вырваться из груди крике, но он не успел издать и звука. Блеснувший в свете железнодорожного фонаря клинок – последнее, что увидел в своей жизни Петр Митрофанов.

Олег Островецкий вышел из автобуса и направился по направлению к зданию отдела милиции. Рослый, атлетического телосложения тридцатипятилетний мужчина невольно притягивал к себе взгляды многих представительниц прекрасного пола. Бесформенная джинсовая куртка пошива рижских цеховиков не могла скрыть широких плеч, зато хорошо маскировала пистолет Макарова в наплечной кобуре. Широкие джинсы-«бананы» от тех же цеховиков не сковывали движений. Несколько затрапезный внешний вид совершенно не волновал Олега. Сменив одиннадцать лет назад гражданскую одежду на форменную, он вообще перестал обращать внимание на моду, ценя в вещах только удобство и функциональность. Дорогие, но очень прочные и легкие кроссовки «Пума» на ногах только подчеркивали эти

пристрастия. Темноволосый, с правильными чертами лица и щегольскими усами, он вполне мог бы сойти за смазливого красавчика, если бы не жесткий взгляд из-под густых бровей и резко очерченный подбородок, выдающий натуру волевою, упорную, на грани упрямства. Весь облик этого человека вкупе с легкой, слегка расслабленной походкой бывшего борца внушал уважение.

Здание отдела внутренних дел располагалось в центре города на живописном бульваре. Двухэтажный особняк был построен в начале двадцатого века для дворянского собрания Курземского края. В 1940 году он был передан под отдел милиции, подвергся многочисленным перепланировкам; поэтому от былого великолепия остались только большой изразцовый камин и расписной потолок в «ленкомнате». К зданию примыкал деревянный одноэтажный флигель, в котором располагался следственный отдел.

Вот туда-то и направлялся старший следователь по особо важным делам майор милиции Олег Семенович Островецкий.

Войдя в кабинет, Олег снял куртку, кинул ее на вешалку. Кабинет был небольшой, оклеенный старыми обоями. На стене висел дежурный портрет «железного Феликса». Обшарпанный письменный стол с пишущей машинкой и двумя телефонами. Четыре разномастных стула вдоль стены – «многоцелевые», как любил шутить хозяин помещения. На них могли располагаться как вызванные на допрос люди, так и он сам во время ночных дежурств. Снималась висящая на вешалке в углу шинель, раскладывалась на стулья и – «ложе» готово. Второй полкой укрылся и можно спать. Правда, на шинели были капитанские погоны, которые нужно было перешить еще три года назад, но здоровому, крепкому сну это несколько не мешало. Как не мешала и жесткость конструкции. Испортить сон (и настроение) мог только черный телефон без циферблата, соединяющий напрямую с дежурной частью. Эта гадкая штука имела обыкновение взрываться глубокой ночью мерзким пронзительным треньканьем, после чего противный (всегда противный в это время суток) голос дежурного ехидно сообщал в трубку: «У нас происшествие. На выезд».

Вообще-то дежурный следователь, по негласному уговору с руководством отдела, мог ночевать и дома. Только в случае усиленного варианта несения службы он должен был постоянно находиться в отделе. Но, учитывая, что усиления назначались на время проведения советских государственных и иных праздников, памятных дат буржуазной Латвии, многочисленных рейдов и т.д., и т.п., ночевать в отделе во время дежурства приходилось через раз. Была в следственном отделе «переходящая» раскладушка, расквартированная в кабинете майора Макаркина, но притащить ее к себе вовремя почему-то никогда не получалось. Поэтому четыре стула составляли важную и неотъемлемую часть обстановки кабинета.

Дополняли антураж большой сейф, выкрашенный нудной коричневой масляной краской, и книжный шкафчик с томиками УК, УПК, учебниками по криминалистике. Некий уют приносила большая кафельная печь. Поэтому, учитывая относительно большие, по сравнению с остальными, размеры кабинета «важняка», здесь имели обыкновение собираться для «релаксации» «следаки» и опера, вследствие чего нижний, закрытый дверцами, ярус книжного шкафа был постоянно забит разнокалиберными бутылками.

Сейф был опечатан. Не то чтобы Олег никому не доверял и страдал излишней подозрительностью, но, придя много лет назад на службу, он решил следовать «правилу Жеглова» из нашумевшего в те годы телефильма «Место встречи изменить нельзя» – «Ни одной бумаги постороннему взгляду!» Правило убирать все в сейф вошло в привычку.

Нужно было открыть сейф, достать материалы уголовного дела по шайке квартирных воров и начать печатать обвинительное заключение, но Олег медлил. Он знал причину этой медлительности. Два месяца назад в автокатастрофе погибла его жена Аленка. Они были

знакомы с детства, учились в одном классе, на первом курсе института поженились. Чтобы его выучить, Аленка оставила институт и поступила работать крановщицей на завод. Потом переезд по распределению в этот город, работа на железной дороге, затем в милиции, рождение Светланы. Аленка всегда была ему крепким тылом. Так и не получив высшего образования, она сумела устроиться на работу в таможню, где, благодаря уму и природной сметке, очень скоро стала ведущим специалистом. Год назад ее пригласили на должность заместителя директора одного из первых в республике совместных предприятий. Высокая зарплата, машина, положение. Олег, в свою очередь, заочно с отличием окончил Высшую школу милиции и получил приглашение продолжить учебу в адъюнктуре Академии МВД. Открывались широкие перспективы, но вдруг разом все оборвалось. Нелепая авария и – все пошло кувырком.

Несколько дней после аварии Аленка еще была в сознании и последними ее словами были: «Олежа, спаси меня!» Потом кома и смерть. Эти последние ее слова постоянно, как молотком, били по голове. Как он – здоровый и сильный мужик, прошедший огонь и воду, не смог уберечь самое дорогое в мире существо? По логике вещей смерть должна была выбрать его. Топоры, ножи, кастеты, стволы – это милицмейские будни. И в Афгане не раз мог лишиться головы. Его пронесло, а вот ее, ее-то за что? Олег заскрежетал зубами. Умом он понимал, что ни в чем не виноват, – проклятый случай, но сердце постоянно твердило: «Виновен! Не уберег!» И отныне он вынужден жить с этим камнем на душе...

Похороны и поминки он помнил смутно. Пытался напиться – не получилось, водка не брала. После похорон мать забрала внучку к себе в Белоруссию. Олег, чтобы вырваться из депрессии, пытался с головой окунуться в работу. Не помогло. Есть глупое расхожее мнение, что работа отвлекает от душевных мук и помогает залечить душевные раны. Чушь собачья! Ни от чего она не отвлекает и ничего не излечивает. Только время – может быть...

Олег посмотрел на сейф. Составление обвинительного заключения требует собранности: все должно быть четко, логично, доказательно. Излагать нужно юридическим языком – не всегда гладким, но ясным и недвусмысленным. Черт, как же заставить себя приступить к работе? Может, сказать больным и взять отгул? Сроки по делу еще не истекли, другие дела подождут... «Ага, а потом ночами будешь наверстывать упущенное!» – перебил себя Олег. Он рывком сорвал с сейфа пластилиновую пломбу и открыл дверцу. Вынул три пухлых тома, потом, подумав, отстегнул наплечную кобуру с пистолетом, положил в сейф. Кобура была самодельная, сшитая по образцу военторговским сапожником. Приказ о постоянном ношении оружия начсоставом и оперативно-следственными работниками вышел недавно, и снабдить всех табельной амуницией еще не успели. Носить оружие на поясной кобуре в гражданской одежде не вполне эстетично, таскать за поясом, как в кинофильмах, глупо – запросто можно потерять. Поэтому и пошили всем нуждающимся самодельные наплечные кобуры для скрытого ношения оружия.

Олег закрыл сейф и углубился в чтение материалов дела. Он прекрасно помнил все нюансы этого непростого расследования, но перед составлением «обвинилки» всегда полезно освежить память. Тем более что это даст ему возможность собраться.

Звонко и насмешливо затренькал прямой телефон.

– Твою мать! Как всегда, вовремя, – зло прошипел Олег.

Телефонов было два. К белому общегородскому с наклейкой «Враг подслушивает» на циферблате Олег относился спокойно. А вот этого черного уродца, напрямую связывающего с дежуркой, не переносил на дух. Звонок по этому телефону, как правило, ничего хорошего не сулил.

– Слушаю, – буркнул Олег в трубку.

– Островецкий, – раздался в трубке спокойный голос дежурного, – зайди к начальнику отдела. Срочно!

– С какой радости? Нас, если мне не изменяет память, отделили недавно от милиции. Так что твой начальник – мне больше не начальник.

– А твои боссы тоже там. Так что топай, Олеженька, – ехидно проворковала трубка.

– Вот и поработал, – чертыхнулся Олег. Он вынул кобуру, сложил дела на полку и запер дверцу на ключ. Машинально опечатал сейф, набросил на плечи куртку и вышел из кабинета.

– Разрешите войти? – переступив порог кабинета начальника отдела милиции, Олег оглядел присутствующих.

Начальник отдела внутренних дел полковник милиции Рожков сидел за огромным письменным столом. Вальяжный, крупный, лет сорока пяти, Михаил Михайлович Рожков уже давно возглавлял городскую милицию. Упорно докарабкавшись из простых оперов до начальника, не имеющий «мохнатой лапы» в министерстве, Михаил Михайлович проводил политику осторожного лавирования между интересами старых «партийно-советских» элит и нарождающихся новых – национально ориентированных. При этом своих подчиненных полковник, по возможности, в обиду старался не давать.

Напротив полковника за приставным столиком сидел межрайонный прокурор Юрис Константинович Тетерис. Крепенький, слегка полноватый, лет сорока с небольшим – слыл честным и справедливым.

В углу, утопая в мягком, изрядно потертом кресле, сидел замначальника отдела по оперативной работе подполковник милиции Алексей Кочетов. Сорокалетний, с усталым выражением лица, немного сутулый, в видавшем виды темно-сером костюме, Алексей Иванович, прекрасный аналитик и неутомимый труженик, заслужил уважение даже у недоброжелателей. Однако излишняя прямолинейность и доходящая до догматизма принципиальность не давали ему близко сдружиться с кем-нибудь в отделе. За глаза его называли Бирюком.

Рядом с ним устроился начальник уголовного розыска майор милиции Владимир Шестаков – тридцатичетырехлетний весельчак с глазами, в которых порой плясали чёртики. Володю недавно назначили начальником, что никак не изменило его отношений с сослуживцами. Он не выказывал никакого показного рвения, зря никого не наказывал и мог запросто выпить и погулять с сотрудниками. Шестакова ценили за легкий, незлобивый характер и постоянную готовность прийти на помощь.

На стуле у окна, расслабленно откинувшись на спинку, сидел бывший начальник уголовного розыска, а ныне – первый заместитель начальника отдела внутренних дел подполковник милиции Виктор Янович Тигерис. В свои тридцать восемь лет он успел окончить Академию МВД и считался преемником Рожкова на посту начальника отдела милиции. Среднего роста, с умными, слегка насмешливыми глазами, хорошо эрудированный, Виктор Тигерис, по прозвищу Тигр, отнюдь не походил на этого хищника. Он не рычал, не нападал, а поддерживал ровные, дружелюбные отношения с сослуживцами. Но в работе был жестким и требовательным, хотя не перегибал палку и не унижал подчиненных. Собственно, это он, возглавляя местный уголовный розыск, подтянул его до уровня одного из лучших подразделений в республике.

На старом диванчике у стены, обособленно от других, рядом примостились еще двое: руководители следственного отдела – непосредственные начальники Олега. Следователей недавно вывели из прямого подчинения местным органам милиции. Теперь они непосредственно подчинялись следственному управлению МВД. Поэтому «следаки», и до того подчеркивавшие свою процессуальную независимость, не могли упустить случая лишний раз напомнить об этом.

Начальник следственного отдела сорокавосемилетний подполковник милиции Иван Федотович Баранников обладал вспыльчивым, взрывным характером. Невысокого роста, коренастый, с буденовскими усами, Федотыч был готов в любой момент грудью встать

на защиту вверенного ему подразделения. Служба в Афганистане и предпенсионный возраст отнюдь не добавляли покладистости его характеру. Он в любой момент мог затеять перепалку с начальством или прокуратурой, если считал, что затрагиваются интересы отдела. Впрочем, нередко доставалось «на орехи» и подчиненным. К несомненным достоинствам Федотыча относились незлопамятность и отходчивость. Из-за этих особенностей своего характера Федотыч, иногда, становился объектом незлобивых розыгрышей. Правда, отжаться на такие деяния могли только его обожаемые «следаки». Им он прощал и мелкие нарушения дисциплины, и легкое раздолбайство, и шутки над собой.

Федотыча удачно дополнял его заместитель – сорокалетний подполковник Лев Николаевич Скворцов. Спокойный, интеллигентный, уравновешенный, он умело сглаживал острые углы во взаимоотношениях шефа с окружающими. Прекрасное знание законов, аналитические способности, большой практический опыт – все это создало Скворцову славу серьезного профессионала. К его мнению с уважением относились не только в городе, но и в министерстве. Лев Николаевич редко повышал голос, излагал свои мысли четко и спокойно, что, впрочем, было, порой, куда более эффективным, чем громогласные заявления и ругань Федотыча.

Свое подразделение эти двое собирали долгие годы «по бусинке», лично изучая каждого кандидата в следователи. Тактично и неназойливо опекая своих питомцев, годами шлифуя их профессионализм, Баранников и Скворцов сумели создать лучшее следственное подразделение в республике. Его костяк составляли тридцати-тридцатипятилетние офицеры, прослужившие в органах по десять-пятнадцать лет, все с высшим юридическим образованием, все еще достаточно молодые и полные сил, но уже опытные и закаленные службой. Всех этих ребят связывала между собой не только совместная служба, но и настоящая мужская дружба, постоянная готовность прийти друг другу на помощь. Собственно, на этом и держался следственный отдел в бурное постперестроечное время, когда размывались все понятия о чести и справедливости, когда шаталось и разваливалось некогда могучее государство, когда из всех щелей полезли жулики и бандиты всех мастей, когда общественное правосознание опустилось ниже уровня плинтуса, когда преступный промысел перестал быть занятием презренным и неуважаемым. Что же могло удержать на службе этих сильных, уверенных в себе мужиков, которые легко могли бы найти себе применение в более сытных и теплых местах? Только осознание того, что своим уходом каждый из них «подставит» остальных, взвалив на их плечи свою часть ноши, и так уже совершенно непосильной. Только дружба, ответственность друг перед другом и чувство взаимовыручки сплачивали этих парней во все еще боеспособный и крепкий коллектив, неформальным лидером которого был Олег Островерцкий.

Олег оглядел присутствующих и нахмурился. Состав собрания оптимизма не вызывал. – Вошел уже, – улыбаясь, произнес Рожков. – Присаживайся, Олег Семенович.

Дружески-фамильярный тон начальника милиции еще больше насторожил Олега. Так начальство себя ведет, когда собирается сообщить о чем-то неприятном. Олег присел за приставной столик напротив прокурора. Тот ободряюще улыбнулся. «Ну, и в какую хрень я влип?» – подумал Олег, но развить эту «оптимистичную» мысль не успел.

– Олег, в городе ЧП! – голос полковника посуровел. – Ночью убит командир танкового полка полковник Митрофанов. Ты ведь с ним немного знаком?

Вот оно что. Чутье не подвело. На него хотят повесить расследование «мокрухи». Ну нет, уважаемые, меня так просто на кривой козе не объедете.

Олег поскреб небритый подбородок и мрачно заявил:

– А я-то здесь при чем? Существует прокуратура Прибалтийского военного округа – вот пусть вояки этим и занимаются.

– Прошу заметить, что преступление совершено на территории города и по территориальности – это наша подследственность, – с легкой издевкой заявил прокурор. – Прошу также обратить внимание на то, что еще несколько месяцев назад, если товарищ майор запамятовал, Латвия заявила о своей независимости. И советская армия в данный момент на территории республики имеет статус воинского контингента иностранного государства. Между прочим, в Латвии и за ее пределами найдется немало сил, которые захотят представить это убийство как теракт против советского офицера со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– А если это действительно теракт? – Олег не собирался сдаваться.

– Тогда тем более, – перебил его прокурор, – мы должны раньше военных раскрыть это преступление и доказать, что власти республики в состоянии контролировать ситуацию в стране.

– Вот и раскрывайте, – Олег упрямо продолжал стоять на своем. – Убийство – это подследственность прокуратуры. Нет, конечно, если будет установлено, что убийство совершили малолетки, то мы, согласно УПК, заберем это дело к себе. А что, может быть уже известно, что фигуранты – несовершеннолетние? Может, кто-то из них на трупе свой школьный дневник оставил? – Олег явно издевался.

– Знаешь что? Ты тут не ерничай! – с досадой хлопнул ладонью о стол полковник Рожков.

Прокурор сделал успокаивающий жест в его сторону.

– Это прекрасно, что майор Островецкий так хорошо знает уголовно-процессуальный кодекс, – в голосе прокурора зазвучали металлические нотки. – В таком случае он должен знать, что в отдельных, исключительных случаях, в целях успешного раскрытия и расследования преступления прокурор имеет право поручить расследование другим правоохранительным органам. В данном случае – следственным органам милиции.

– В чем исключительность данного случая?

– В данный момент в городской прокуратуре нет следователя, способного возглавить следственно-оперативную группу. Мара Гигуле в декретном отпуске, Валдис Лицис в командировке в Риге – в бригаде по расследованию преступлений рижского ОМОНа. Леня Коношенок – недавний стажер, ему с таким не справиться. Он и так сейчас фактически работает за троих. Так что остаюсь Вы, Олег Семенович, – прокурор примирительно улыбнулся. – Я уже вынес постановление о назначении вас руководителем группы по расследованию данного преступления. Это согласовано с прокуратурой республики и следственным управлением МВД.

«Вот ведь как по-русски чешет, без малейшего акцента! И выражения какие изысканные – даже не скажешь, что латыш», – некстати подумал Олег. Он уже понял, что ему не отвертеться, но по инерции продолжал возмущаться.

– Нет, интересное дело. Кто-то рождает, кто-то участвует в политических играх, а я должен за всех отдуваться!

Прокурор побагровел, глаза Рожкова метали громы и молнии.

– Успокойся, Олеж, – мягкий тон Баранникова разрядил наэлектризованную атмосферу в кабинете. – Дело решенное.

– И ты, Федотыч? – голосом умирающего Цезаря простонал Олег.

Впрочем, чего наезжать на старика? Несомненно, что он перед этим выдержал настоящий бой, пытаясь отмазаться от дела.

– Ладно, проехали, – к Олегу вернулось его обычное хладнокровие. – Как собираетесь помогать, господа начальники?

– Ну, первые несколько дней весь розыск будет работать на тебя, а затем, если не получится раскрыть по горячим следам, для оперативного сопровождения к тебе будет прикреплен капитан Долгоногов, – подал голос из своего кресла Кочетов.

– Да на нем материалов висит, как на собаке блох! – возмутился Олег.

– Все его материалы на время расследования разбрасаем по остальным операм...

– ...Которые ни черта по ним не будут делать, а потом Долгоногов получит по штанам за волокиту, – перебил Олег.

– Не получит, учитывая сложившиеся обстоятельства и пролетарское происхождение Ояра! – весело воскликнул Шестаков. – Даю слово!

«Ну что же, – удовлетворенно подумал Олег, – Ояр Долгоногов, да еще и свободный от других дел, это серьезная подмога». Со старшим оперуполномоченным уголовного розыска капитаном милиции Долгоноговым его связывала давняя дружба. Между следствием и уголовным розыском испокон века существует скрытое соперничество и профессиональная ревность. И те и другие считают именно себя милицейской элитой, отдавая, впрочем, дань уважения соперникам. Следователи уверены, что операм лишь бы поскорее сбавить материалы в следствие, а дальше – хоть трава не расти. Качество материалов их не волнует. Опера же, в свою очередь, нередко пеняют следователям на излишнюю дотошность в расследовании, вследствие чего ясные и простые с их точки зрения дела порой не доходят до суда из-за отсутствия улик. Основным показателем работы уголовного розыска – это пресловутый процент раскрываемости. Для следователя же раскрываемость – дело важное, но не главное. На первом месте качество расследования. По делу должны быть собраны такие доказательства, чтобы ни у самого следователя, ни у прокурора, ни у адвоката, ни у судьи не возникло и тени сомнения в виновности обвиняемого. Эта разновекторность направления деятельности и порождает трения между двумя основными подразделениями милиции, что, однако, как правило, никак не сказывается на межличностных отношениях сотрудников. Опера и следователи обычно с большой долей симпатии относятся друг к другу, тем более что переход сотрудников из одной службы в другую – дело обыденное. Нередко эти симпатии перерастают в крепкую дружбу. Ну а подколки и шпильки в адрес коллег – это святое. Главное, чтобы соперничество не переросло в глубокий, затяжной конфликт.

– С операми ясно. А что с транспортом? Вот на чем я сегодня поеду к месту преступления? На «Положении о советской милиции»? – не отказал себе в удовольствии съязвить Олег¹.

– Если ты намекаешь на мою «Волгу», то она на выезде. Как раз на убийстве с опергруппой, – Рожков довольно усмехнулся: что, не удалось, мол, подкузывать? – Бери прикрепленную машину, – полковник нажал клавишу селектора. – Дежурный, какая машина у нас сегодня прикреплена к отделу?

– Самосвал из АТП, – донесся из селектора флегматичный голос дежурного.

– Да вы что!? Следователь прибывает к месту происшествя на самосвале?? – Олег с трудом сдерживал себя.

– А где я тебе возьму нормальный транспорт? – взорвался Рожков. – Половина машин в отделе на приколе, а то, что на ходу, ездит на честном слове – запчастей нет. Бензина двадцать литров в день на дежурную машину, десять – на остальные. Да что я тебе объясняю, как будто ты только на свет вылупился!? – полковник не мог успокоиться. – Это еще счастье, что город помогает – присылают транспорт предприятий по разнарядке.

¹ * В «Положении о советской милиции» было закреплено право сотрудников милиции бесплатно пользоваться общественным и попутным транспортом. Ссылаясь на него, милиционеры подтрунивали над неспособностью властей обеспечить правоохранительные органы служебным транспортом.

– А мне все равно. Я могу и пешком. Только много я вам пешком наработаю...

– Ладно, – решил прекратить перепалку прокурор. – Сегодня возьмешь мою машину, а дальше что-либо придумаете.

– Я уже дал указание нашему водиле обслуживать в первую очередь тебя, – вступил в разговор Баранников. – Завтра машина выйдет из ремонта.

– Нужно будет – возьмешь нашу «копейку», – подал голос Шестаков. – Ладно, иди, работай.

– Как это – «иди, работай»? Я еще не закончил.

– Вот нахал! Ну что еще?

– На мне четыре дела. По домошникам я сегодня собирался обвинилровку писать.

– Сделаем так, – спокойно и рассудительно вступил в разговор Скворцов. – Передавать твои дела никому не будем – в них постороннему неделю разбираться. Продлевай все четыре дела. Думаю, прокурор нам в этой ситуации не откажет, – Лев Николаевич посмотрел на Тетериса.

Прокурор молча кивнул.

– Если возникнут неотложные следственные мероприятия, ребята прикроют, – продолжил Скворцов. – А там – либо раскроем, и ты вернешься к текущим делам, либо «мокруха» зависнет и ты опять-таки вернешься к своим делам, либо вернутся прокурорские — передашь им дело и займешься своими. Ферштейн?

– Ну да, либо осёл сдохнет, либо эмир, либо я, – вздохнул Олег. – Разрешите идти?

– Иди, – махнул рукой Рожков.

Олег молча кивнул присутствующим и вышел из кабинета.

– Сдал Островецкий, – Тетерис покачал головой. – Небрит, осунулся, вспылчив сверх меры. И раньше-то бывал несдержанным, а теперь...

– Еще бы, такое пережить, – Скворцов встал с дивана и подошел к окну. Затем, повернувшись ко всем, с некоторым вызовом добавил: – Но можете не беспокоиться. Олег профессионал, следователь от бога! Он в любом состоянии будет рыть до упора.

– Добро, все свободны, – подытожил полковник Рожков.

Олег поджидал Кочетова и Шестакова в коридоре около кабинета начальника уголовного розыска.

– Ты еще не уехал? – удивился Кочетов.

– Нет, позвонил из дежурки, чтобы до моего приезда ничего не трогали. Уже не горит. Пошли в Володькин кабинет перекинемся парой слов.

Все трое зашли в кабинет Шестакова.

– Сообщите, что на данный момент известно по делу и что уже сделано. А то от боссов шума много, а толку мало, – Олег уселся на край стола и приготовился слушать.

Шестаков сел за стол в свое потертое кресло, а Кочетов принялся неторопливо ходить взад-вперед по кабинету, собираясь с мыслями.

– Значит так, Митрофанов был убит ударом ножа где-то между двенадцатью и двумя часами ночи на подъездных путях к порту. Более подробно не знаю – опергруппа еще работает, материалов пока не видел, – Кочетов формулировал четко и лаконично. – Труп обнаружили докеры – шли в порт на внеплановую разгрузку судна. Это было примерно в 5.30 утра. Позвонили в дежурку с проходной порта в 5.35. Время зафиксировано. Дежурный сработал четко: отправил на место опергруппу, быстро нашел и доставил к месту прокурорского, криминалиста и судмедэксперта, а главное – перекрыл нарядами ГАИ липайскую и рижскую трассы и сориентировал «линейщиков»².

² «Линейщики» – сотрудники линейных подразделений (милиц. сленг).

– А на что он их ориентировал? Ведь еще ничего о преступнике не знаем.

– Ориентировал грамотно. Гаишникам – сплошную проверку всех автомашин, выезжающих из города, и досмотр всех, кто там находится. Всех подозрительных или без документов доставлять в отдел. Весь «подшефный» криминальный элемент – в отдел. Остальных – переписывать. Списки привезут позднее. Кстати, приказ о сплошной проверке действует до сих пор.

– Хорошо, пусть продолжают.

– Транспортники тоже сработали четко. Они успели проверить утренние пассажирские поезда. Не сплошняком, конечно, но у всех подозрительных проверяли документы. Списки нам передадут.

– Автовокзал?

– Помдеж с пэпэсниками проверяли всех отъезжающих. Наряд ППС и сейчас там.

– Кого-нибудь доставляли в отдел?

– Нет, у всех были документы. Никто из «подшефных» в наше поле зрения также не попадал.

– Ладушки, – Олег задумался. – В общем, со значительной долей уверенности можно предположить, что он еще в городе, если не ушел до 6.00.

– До 5.50, – уточнил Кочетов. – В это время гаишники перекрыли липайскую трассу.

– А рижскую?

– А там они стояли по плану.

– Что по агентуре?

– К вечеру постараемся активизировать всех кого возможно.

– Хорошо, – Олег повернулся к Шестакову. – Володя, организуй поквартирный обход близлежащих кварталов.

– Зачем? – изумился Шестаков. – Жилая застройка достаточно далеко от места преступления. Да у меня и людей на это нет.

– Володь, привыкай думать шире, согласно занимаемому креслу! Привлеку участковых, внештатников. И пусть все фиксируют протоколами объяснений. Чует мое сердце: еще наплачемся мы с этим делом. Если в ближайшее время не дадим результат – ждите проверок. И первые, кто получит по штанам, это вы, господа сыскные начальники. Так что лишняя макулатура в деле не повредит. Может, повезет и кто-то видел что-либо подозрительное. Да, вот еще что: около гостиницы «Волна» недавно открылся круглосуточный винно-водочный магазин. Надо опросить всех завсегдатаев, продавца ночной смены, охранника и установить, кто там был ночью. Опросить всех под протокол!

– Ты думаешь, это что-то даст?

– На девяносто девять процентов – нет, но отработать этот кусок нужно. И подключи к делу Сашку Сидоренко.

– Точно! Он ведь сейчас замначальника ВОХРа порта.

– Вот и напряги бывшего коллегу. Пусть пошустрит. Может, кто-то что-то видел? Или кто-нибудь из работяг бегал ночью за поддачей в винно-водочный. Сашка был толковым опером. Что-то да накопает.

– Я попытаюсь поговорить с особистами. Может они что-нибудь подскажут? – задумчиво произнес Кочетов.

– Добро, я – на место. В семь вечера соберите всех оперов, подберем бабки и определимся с версиями, – Олег за руку попрощался с сыскарями и покинул кабинет.

– Шикуюшь, братка! На прокурорской «Волге» раскатываешь, – Ояр Долгоногов заключил друга в объятия.

Рядом с могучим баскетбольного роста блондином отнюдь не маленький Олег казался подростком. Островецкий огляделся. Метрах в сорока от проезжей части дороги, где остановил машину водитель прокуратуры, на железнодорожных путях ничком лежал человек в военной форме. Вокруг него деловито сновали люди: кто-то что-то писал, кто-то фотографировал, кто-то что-то измерял...

«Рутина, – подумал Олег. – Человек погиб, а все спокойны и деловиты, как будто не на месте убийства, а на каком-нибудь производстве. А с другой стороны, только так и можно добиться результата, относясь отстраненно, даже несколько цинично к происходящему. Эмоции в нашем деле не помощники».

Рядом с синей прокурорской «Волгой», на которой приехал Олег, стояла белая «Волга» начальника милиции. Водитель – старшина Козуб – сладко спал, откинув сиденье.

– Во кадр, – усмехнулся Олег. – Дрыхнет без задних ног.

– А что ему? Опергруппу привез, следака и экспертов привез. Он свое дело сделал.

– Мог бы помочь пэпээсникам в оцеплении. Те, бедняги, уже запарились, я гляжу, народ отгонять.

– Счас! – Ояр саркастически усмехнулся. – Его благородие возит начальственное тело, к нему на лисапете не подкатишь. Я его попросил два часа назад за куревом смотаться, так он меня фигурально послал. Хотел ему по ушам съездить, так ведь побежит жаловаться шефу. Да и не будешь же его «воспитывать» при всех. Ты, кстати, не прихватил покурить? А, забыл, ты же бросил...

– Кстати, прихватил. Заскочил в кабинет перед отъездом и взял пачку «зэковских».

Так назывались дешевые сигареты, которые всегда находятся в столе мало-мальски уважающего себя опера или следователя. Ими обычно угощают подследственных. Иногда дают с собой в камеру. Сигареты с фильтром в камеру в любом случае не пропускают.

– Кури, чтоб на тебе уже шерсть курилась! – пошутил Олег. Он, с тех пор, как бросил курить, вел непримиримую борьбу с друзьями, пытаюсь отучить их от вредной привычки.

Олег протянул Ояру пачку «Примы».

– Ну, спасибо! – возликовал тот. – Я всегда знал, что ты настоящий друг! Остальные просто товарищи. Пошли к месту?

– Подожди, – Олег подошел к машине начальника милиции, открыл дверцу и резко встряхнул за плечо спящего водителя.

– Ну что такое?... – недовольно прогундосил спросонья старшина. – А, товарищ майор... – Козуб потянулся. – Чего вы хотели?

– Возьмешь у меня деньги, поедешь в магазин, купишь капитану Долгоногову хороших сигарет: «Элиту» или «Ригу». Затем встанешь в оцепление помогать пэпээсникам, – прошипел Олег, едва сдерживаясь от злости.

– Еще чего... – договорить Козуб не успел. Мощная рука схватила его за шею, большой палец впился в ямку возле мочки уха. Второй рукой Олег, словно клещами, прихватил за запястье руку старшины. Козуб взвыл от боли.

– Я надеюсь, приказ понятен? – ласково улыбнулся Олег.

Козуб мотнул головой. Олег поймал на себе одобрителный взгляд стоявшего неподалеку сержанта ППС.

– Тогда Рексом дуй в магазин! – Олег бросил на колени Козубу деньги и пошел прочь от машины.

«Волга» резко рванула с места.

– Из тебя бы вышел отличный воспитатель, – расплылся в довольной улыбке Ояр.

В сопровождении Долгоногова Олег подошел к месту убийства. Поздоровавшись со всеми присутствующими за руку, Островецкий внимательно осмотрелся, пытаясь зафиксировать в памяти детали: мало ли что когда-нибудь всплывет. Олег по опыту знал: чем

дотошнее работаешь на месте преступления, тем легче потом работать на раскрытие и доказывание.

Погибший лежал на боку между рельсами в луже крови. Левая рука находилась на рельсах. Ноги согнуты в коленях. На кителе, чуть ниже орденских планок, – пятно запекшейся крови.

От места трагедии до автодороги, ведущей в порт, было чуть больше сорока метров. До жилого массива – около четырехсот метров. Метрах в двадцати от трупа располагались опоры пешеходного перехода, еще дальше – забор, огораживающий территорию порта. Примерно в ста метрах от места происшествия, за забором находилась вышка портовой охраны.

– Оттуда место преступления плохо видно, мостик мешает, – перехватил взгляд Олега Ояр. – Да и не дежурил там ночью никто. Я справлялся, у них людей в охране не хватает, – со вздохом сообщил он.

– Ну, вот и будет нам место, когда попрут из ментовки, – мрачно пошутил Олег.

Он взял из рук недавнего стажера прокуратуры Коношонка протокол осмотра места происшествия и углубился в чтение. Леня Коношонков, тоненький двадцатитрехлетний парнишка, недавний выпускник юрфака, восторженно смотрел на майора. Близко они не были знакомы, но Леня много слышал о ментовском «важняке» и невольно старался походить на него.

– Ну что ж, толково, очень толково, – одобрил Олег, возвращая протокол Коношонку.

Протокол действительно был составлен очень подробно и грамотно. «А со временем из пацана получится хороший следователь!» – подумал Олег.

– Только вот заниматься теперь этим делом придется мне, – сообщил он.

– Я бы и сам справился! – обидчиво воскликнул Леня.

Все невольно улыбнулись.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся Олег. – Еще бы убедить в этом твоего шефа.

Леня понуро потупился.

– Да не расстраивайся ты, – Островецкий дружески потрепал парня за плечо. – На твой век этого дерьма еще хватит – черпаком не перехлабаешь.

Ояр подмигнул Лёне: внимай, мол, начальству.

– Ну, что еще скажете хренового? – обратился Олег к присутствующим. – Улдис, давай с тебя начнем.

Ровесник Островецкого судмедэксперт Улдис Боярс задумчиво потерел густую рыжеватую бороду.

– Значит так, убийство было совершено между двенадцатью и двумя часами ночи, – Боярс говорил с тяжелым латышским акцентом, но правильно, грамотно формулируя предложения. Сказывался многолетний опыт составления заключений судмедэкспертиз.

– Удар был нанесен точно в сердце колющим предметом, предположительно ножом или кинжалом шириной около трех сантиметров. Думаю, что смерть наступила мгновенно. Более конкретно – после вскрытия.

– Что по ножу? Нашли?

– Нет, – откликнулся Долгоногов. – Прошлись по спирали метров пятьдесят, но ничего не нашли.

– Та-ак... Передашь Шестакову, чтобы попросил у танкистов взвод солдат и организовал сплошное прочесывание прилегающей местности. Ответственным пусть назначит кого-либо из участковых.

– Саньч, что у тебя? – Олег перевел взгляд на криминалиста.

Старший эксперт-криминалист подполковник милиции Юрий Александрович Косенков был одним из лучших в республике специалистов. Нередко его приглашали для прове-

дения экспертиз и семинаров в другие районы, с его мнением считались даже в ЭКО МВД³. Собственно, и подполковника-то он, находясь на майорской должности, получил в виде исключения, как признание его служебных заслуг. Худощавый, сутуловатый сорокапятилетний Юрий Александрович невольно симпатизировал атлетам Ояру и Олегу, чем Островецкий частенько беспардонно пользовался, упрашивая Саныча сделать экспертизу по своим делам вне очереди.

– Олежа, – Косенков смотрел на Островецкого снизу вверх, – во-первых, уже два раза прибегали из порта: им надо пропустить состав под погрузку – судно простаивает.

– Перебьются, не каждый день на их путях людей убивают. А что – во-вторых?

– Судя по порезу ткани на кителе, удар ножом был нанесен с доворотом.

– А ты что – этого не видел? – Олег нехорошо посмотрел на Боярса.

– А я неживую ткань не исследую, мое дело – живая ткань, – бесстрастно парировал Улдис.

– Живая ли? – съехидничал Олег.

– Я же сказал, что все подробности – после вскрытия. Островецкий, я поеду к себе. Здесь мне уже нечего делать, а в морге работа стоит...

Все дружно прыснули. Улдис насупился, поняв, что сморозил чепуху и теперь его высказывание в анекдотическом виде будет гулять по отделу.

– Ладно, – примирительно улыбнулся Олег. – Возьми Козуба – он тебя довезет. И передай ему, чтобы возвращался сюда. Не приведи Господь, он поедет в отдел сменяться – я ему тогда ноги выдерну!

– Олег, а почему ты не спрашиваешь про собачку?

– Ояр, если бы собака что-то нашла, ты бы уже давно сказал, так? Значит, не нашла...

– И да, и нет. Собакевич с собакой уже прибыли. Костя же живет неподалеку...

Олег улыбнулся невольному каламбуру. Инспектор-кинолог по странному стечению обстоятельств действительно носил фамилию Собакевич. Своих питомцев он любил самозабвенно. Семь раз с очередным «подопечным» выигрывал первенство МВД СССР по служебному собаководству. Передвигался на закрепленном служебном мотоцикле с коляской. В коляске всегда сидел огромный пес. На первый взгляд, все это выглядело довольно комично, но хулиганствующим подросткам, пьяницам и прочим нарушителям общественного порядка было не до смеха, когда Костя с «пассажиром» подруливал к ним.

– Так вот, собака взяла след до жилого массива, там замешкалась, а вот по обратному следу привела...

– ...к опоре моста, – закончил фразу Олег.

– Ну, с тобой неинтересно, – разочарованно произнес Ояр.

– Да просто это единственное место, где нападавший мог скрытно поджидать свою жертву. Не от КПП же он его вел. Это ведь почти километр...

Олег, Косенков и Ояр подошли к опоре моста. С противоположной путям стороны в грунте отпечатались следы обуви. Олег присел на корточки. Некоторые следы были довольно отчетливыми. Рядом валялись несколько окурков от папирос «Север».

– Похоже на кроссовки, да, Саныч? – указал Олег рукой на следы.

– Скорее всего. Я их уже сфотографировал, ждали тебя, чтобы ты посмотрел. Теперь сделаю парочку гипсовых слепков.

– Возьми сначала пробу на одорологию⁴.

– Зачем? Хочешь опять попасть в историю с Собакевичем? – хохотнул Косенков.

³ ЭКО МВД – экспертно-криминалистический отдел министерства внутренних дел.

⁴ * Одорология – изучение и различение запахов.

Все улыбнулись, вспомнив события двухлетней давности. Тогда Олег расследовал дело о разбойном нападении на кооперативный магазин. Преступник в маске, угрожая топором, отобрал у продавщицы выручку и скрылся. Маску нашли неподалеку в урне с мусором. Олег тогда изъясил маску и упаковал в герметическую стеклянную банку. Через три дня отморозка вычислили и задержали. На допросе он вел себя дерзко и вызывающе, понимая, что у милиции на него ничего нет. И тогда Олег решил устроить одорологическую выборку. Доказательством она, конечно, не является (собачку ведь не привлечешь за заведомо ложные показания). Но как психологический момент давления на подозреваемого – может прокатить. А если устроить несколько выборок с разным составом подставных и разными собаками, то отмахнуться от этого и суд вряд ли решится.

Выборку решили проводить во дворе отдела. Поглазеть на любопытное зрелище собрались почти все свободные от несения службы сотрудники. В толпе уже заключали пари: опознает – не опознает. В присутствии понятых вывели шестерых одетых в штатское сотрудников, игравших роль подставных, и подозреваемого. Всех семерых Олег выстроил в ряд, подозреваемого поставил в середину. Тот нагло и самодовольно ухмылялся. Но вмиг притих, когда увидел Собакевича с огромным псом по кличке Север на поводке. Гопник⁵ судорожно сглотнул. Костя извлек из запечатанной банки маску, дал ее понюхать собаке, после чего они медленно пошли вдоль строя. Поравнявшись с подозреваемым, Север остановился, шумно втянул ноздрями воздух и, зарывав, встал на дыбы. Восьмидесятидвухкилограммовый чемпион Союза Север, стоя на задних лапах, был выше подозреваемого почти на полголовы. Передними лапами он пытался опереться на гопника, огромная, страшная пасть пса ощерилась в злобном, больше похожем на тигриный рык, лае. Костя с трудом удерживал собаку. Гопник в ужасе пытался отшатнуться от клацающих в нескольких сантиметрах от его головы страшных зубов, но крепкие руки оперативников удерживали его на месте.

– Уберите собаку, я все расскажу! – завизжал он. И тут все увидели, как из его штанины потекла струйка. Минутой ранее дерзкий налетчик, «крутой пацан» – просто описался.

Когда гопника увели, Олег обнял Костю:

– Ну, твой Север – молодец! Классно сработал!

– Ага, тем более что перед этим козлом, я его слегка поддернул на стойку, – довольно улыбнулся Костя.

Присутствующие еле сдерживались от хохота. А Олегу было не до смеха: от чистоты эксперимента не осталось и следа.

– Если бы не твой зверюган, я бы тебе рожу начистил! – Олег поднес кулак к Костиному носу.

«Зверюган» спокойно и мирно сидел на задних лапах, отвернув морду в сторону. Я, мол, тут ни при чем.

Налетчик всего этого, естественно, не знал и на допросе «пел соловьем»⁶. Подробно, в деталях рассказал о преступлении, выдал похищенные деньги и отправился на законные шесть лет на нары. Но воспоминания об этом казусе до сих пор вызывали смех и улыбки в отделе.

– Саныч, бери пробу, – подтвердил свою просьбу Олег. – Дело гнилое и надо собрать максимум материала по нему. Чует мое сердце: скоро нагрянут «помогающие-проверяющие», замаемся справки писать.

– Как скажешь, – эксперт достал из чемоданчика стеклянную герметически закрывающуюся банку и, вынув оттуда кусочек фланелевой ткани, наложил его на наиболее четкий след. Затем развел в пластиковой посудине гипс и вылил немного в соседний след. Наломав

⁵ Гопник – разбойник, налетчик (*жарг.*)

⁶ * «Петь соловьем» – признаваться в совершении преступления (*жарг.*).

найденных рядом тоненьких хворостин, Саныч крест-накрест положил их на подсыхающий слепок и долил оставшийся раствор. Ояр и Олег молча наблюдали за его манипуляциями.

– Ну вот, а второй слепок сделаю минут через двадцать, когда фланелька пропитается запахом, – удовлетворенно произнес Косенков.

– Не забудь дать понятым подписать, когда запечатаешь банку, – напомнил Олег. – И окурочки обязательно собери. Кстати, сколько их?

– Пять, и посмотри, какие интересные, – Саныч пинцетом подцепил один из окурков. – Видишь, какой прикус? Похоже, один зуб сколот.

– Значит, у преступника сколот передний зуб, – задумчиво произнес Ояр.

– Не передний, тоже мне, курец, – поправил Олег. – Ты, когда куришь, сжимаешь сигарету передними зубами? Нет, клыками справа или слева.

– Ну, обычно, если правша – справа, а, если левша – слева. Судя по удару, наш убийца правша, следовательно, можно предположить, что правый клык у него сколот, – менторским тоном поправил Косенков.

– Спасибо, Вам, за науку, господин профессор, – шутливо поклонился Олег. – Интересно, а почему папиросы? Несовременно как-то. Сейчас все курят сигареты. Слушай, Саныч, может он туда «косяк» загонял?

– Проверю, – отозвался Косенков.

Обернувшись на звук приближающихся шагов, Олег увидел торопливо шагающего по шпалам белобрысого парня лет двадцати пяти в милицеской форме.

– О-о, Женька Венский, участковый! Он со мной сегодня в опергруппе, – Ояр махнул рукой, подзывая лейтенанта к себе. – Я его в полк посылал, «перебазарить» на КПП с дежурным нарядом.

– Товарищ майор, – запыхавшийся лейтенант попытался козырнуть.

– Перестань, Жень, – остановил его Олег. – Отдышись и спокойно докладывай.

Лейтенант нравился ему, напоминал самого Островецкого десять лет назад. Не внешностью, конечно, а вдумчивостью и рассудительностью, решимостью, если надо, полезть на рожон за правое дело. Участок Венского находился в пригородном поселке и Олег знал, что молодой лейтенант пользуется уважением у местных жителей, чему немало способствовало его отличное владение латышским языком. Вообще-то, Олег немного по-хорошему завидовал Ояру и Женьке. Наполовину латыши, оба прекрасно владели и латышским и русским. Олег же, будучи приезжим, латышский знал не очень хорошо. По его инициативе в отделе были открыты вечерние курсы по изучению латышского языка, но посещать их Олегу доводилось редко. Следственная работа мало способствовала стабильной учебе на курсах.

«Охломоны, – мысленно выругался Олег в адрес начальства. – Хотят, чтобы люди знали латышский, но ничего для этого не делают». Он уже не раз на совещаниях различного уровня предлагал открыть в Риге при школе милиции централизованные курсы изучения латышского языка, где сотрудники со всей республики могли бы заниматься с отрывом от службы. Ведь процент хорошо владеющих латышским языком в Риге и крупных городах республики катастрофически низок. С ним соглашались. На одном из совещаний замминистра даже поручил своему помощнику проработать вопрос, но дело с места не двигалось. Собственный уровень владения латышским языком не устраивал Олега. Нет, он мог, конечно, общаться с людьми, разговаривать, но вести судопроизводство на латышском ему было не по силам. А самостоятельно изучать язык не было никакой физической возможности. Даже посещать вечерние курсы практически не удавалось.

Венский достал из кожаной папки протоколы объяснений и протянул их Олегу.

– Молодец, что все записал! – похвалил Олег. – А теперь – главное, своими словами.

– Опросил дежурного по КПП и его помощника. Оба утверждают, что полковник покинул расположение части в начале первого ночи. Был в прекрасном расположении духа. При нем был кожаный кейс. Ушел пешком, машину не вызывал. Если коротко, то все. И вот еще что: может, это вас заинтересует... – лейтенант немного замялся. – В общем, когда я заканчивал принимать объяснения от помдежа, появился майор-особист. Он повел себя как-то странно: запретил солдатам давать показания и сказал, что впредь общаться с кем-либо из военнослужащих части мы будем только в его присутствии.

– Ты что-нибудь понимаешь? – Олег перевел взгляд на Ояра. – Мы расследуем убийство его командира, а он, вместо помощи, собирается вставлять нам палки в колеса. В любом случае, ты вдвойне молодец, что записал их показания с подписями, – Олег похлопал Женьку по плечу.

– Но кейса-то при покойнике не оказалось, как, впрочем, и бумажника. Часы и кольца тоже отсутствуют... – Ояр с высоты своего роста обвел взглядом присутствующих. – Допустим, колец могло и не быть, он все-таки офицер, а не балерун какой-нибудь. Но часы-то должны были быть, именно потому, что офицер.

– Думаешь, ограбление? – спросил Олег.

– Пожурем – увидим.

Олег отвел Ояра в сторону.

– Сделаем так: заканчивай здесь, полковника отправь в морг Улдису, а сам с Женькой дуй в адрес и опроси жену полковника...

– Вдову, – мрачно поправил Ояр.

– Вдову, – вздохнул Олег. – Ей, конечно, уже сообщили о смерти мужа, но посмотри все же на ее реакцию, обстановку в доме... Сам знаешь. Да, и возьми с собой «писателя», – Олег кивнул в сторону корпевшего над протоколом осмотра Коношонка. – Пусть он записывает, а ты слушай, смотри и запоминай. О полковнике и его семье надо узнать как можно больше.

– А ты куда?

– Наведаюсь к соседу, Ильичу. Он ведь служит... служил вместе с покойным. Очень мне интересно его мнение.

– Так ведь особисты не дают ни с кем поговорить.

– Ильич сейчас в отгуле. Он поехал к себе на дачу, я его утром встретил около дома. Постараемся управиться, в семь в кабинете Шестакова оперативка.

Олег попрощался с Долгоноговым за руку и пошел к машине.

Сосед Островецкого по дому подполковник Ионов занимал должность командира танкового батальона. Это был опытный и честный боевой офицер. Ему недавно стукнуло сорок два года, и подполковник уже стал всерьез подумывать о пенсии. Он приобрел дачку, где проводил все свободное от службы время. Двадцать пять лет службы: училище, дальние гарнизоны, Афганистан – не оставили в нем никаких иллюзий по поводу порядков в армии. Из Афгана Ильич вернулся с двумя орденами Красной Звезды. Казалось бы, дважды орденосцу, имеющему колоссальный опыт боевому офицеру, открыты все дороги для карьерного роста. Ан, нет... Его назначили на должность комбата, что не соответствовало его подполковничьему званию, и направили служить в этот маленький прибалтийский городок. Карьера этого честного, отважного офицера не задалась, а причиной этого во многом был характер Ильича. Он органически не выносил лжи, не умел, да и не хотел приспосабливаться к начальству.

«Для лизания начальственного зада у меня язык слишком шершавый», – любил Ильич пошутить за рюмкой водки. К спиртному он относился трепетно, но без фанатизма, обожая сам процесс, но не его последствия. Со временем Ильич пристрастился и к другим,

сопутствующим выпивке, занятиям: охоте и рыбалке. Служебные дела интересовали его все меньше, но, несмотря на это, он пользовался непререкаемым авторитетом в полку. Молодые офицеры искали у него совета и защиты. Ильич и раньше конфликтовал с начальством, а теперь, выслужив положенный срок и имея возможность уйти на пенсию, вообще перестал обращать внимание на начальственный гнев, с удовольствием «доставая» командиров. Строптивного комбата недолюбливали в полку, в дивизии тоже не очень жаловали, но поделаться с ним ничего не могли – вышибить из армии боевого, заслуженного офицера-орденоносца было непросто.

Олега Островецкого Ильич любил, чувствуя в нем родственную душу. Олег платил ему тем же. А общее афганское прошлое лишь добавляло им взаимного уважения.

– Ну, здорово! – невысокий, коренастый Ильич приобнял Олега. – Молодец, что приехал. Сейчас замариную шашлычок...

– Не до шашлыков, Ильич. Надо поговорить.

– Знать ничего не хочу! Ты посмотри на себя. Осунулся, рожа небритая, жрешь что попало. Хочешь «орден сутулого» заработать? Плюнь ты на свои ментовские заморочки. Все равно всех дел не переделаешь. Бери пример с меня. Я на службу давно «забил», взял отгул – и на дачку. Выйду на пенсию, хочу здесь обосноваться. Я ведь полстраны объехал, тринадцать гарнизонов за двадцать один год, не считая Афгана. А в Латвии нравится больше всего. За четыре года, было время прикипеть, – своей словоохотливостью Ильич пытался погасить нарастающую тревогу.

– Олежа, что-то случилось?

– Случилось. Убили твоего командира!

Лицо Ионова посуровело, на скулах заиграли желваки.

– Проходи, садись за стол под яблоней. Я сейчас, – Ильич скрылся в дачном домике.

Олег сел за стол и огляделся. Ильич купил этот участок в апреле. Тогда он был неухоженным, домик обшарпанный, забор покосился. А сейчас – домик свежеевыкрашен, новый ровенький штакетник, все благоухает.

«Видимо, Ильич действительно большую часть времени проводит здесь, а не в полку. Да и то, он уже свое отслужил и отвоевал. Пусть теперь другие тянут эту лямку», – подумал Олег.

Он вспомнил, как четыре месяца назад они перевозили Ильича на дачу, а потом устроили новоселье. Все прилично выпили, веселились, танцы под магнитофон, песни под гитару. Аленка танцевала с его друзьями и показывала ему язык, а в «отместку» ей, жены друзей обнимали Олега и, шутя, грозились отбить ее красавчика. Все смеялись, рассказывали анекдоты, гитара ходила по кругу. ...Боже, это было всего четыре месяца назад, а кажется, что в прошлой жизни.

Из домика вышел Ильич, неся в руках запотевшую бутылку водки, два стакана и большую миску, с крупно порезанными колбасой и солеными огурцами. Сверху лежали несколько перьев зеленого лука и буханка хлеба.

– Давай, выпьем за полковника.

– Ильич, мне еще сегодня работать...

– Ничего, не мешает. Зови водилу.

– Нет, – твердо сказал Олег. – Ему еще весь день возить мое драгоценное тело.

– Тогда, пусть поест.

– Я ему потом отнесу, когда буду уходить.

Ильич понял, что Олег хочет поговорить с ним с глазу на глаз, и не стал возражать. Налил по полстакана водки. Молча, не чокаясь, выпили. Ильич отломил от буханки большой ломоть хлеба, положил на него увесистый кусок колбасы, перо лука и огурец.

– Ешь, смотреть на тебя тошно... – он протянул бутерброд Олегу. Затем стал сооружать себе то же самое.

Олег нехотя откусил от бутерброда. Аппетита не было...

Ильич грозно нахмурился:

– Жри и рассказывай!

Тот коротко рассказал об убийстве Митрофанова.

– От меня-то ты чего хочешь? – хмуро спросил Ильич.

– Расскажи все, что знаешь о полковнике и его семье.

– Ну, о покойнике или хорошо, или...

– Не тот случай, – перебил Олег. – Это убийство. Так, что рассказывай все: и хорошее, и плохое.

– Понял... – Ильич ненадолго задумался, собираясь с мыслями. – Митрофанов, – начал он, – тогда еще подполковник, был назначен к нам командиром полка год назад. Сразу же получил полковника. Вообще-то, когда увольнялся на пенсию прежний комполка, на эту должность прочили его зама, подполковника Яковлева. А твоего покорного слугу хотели назначить замом. И тут вдруг прислали Митрофанова, служившего замкомполка в Подмосковье. Все, естественно, застопорилось. Мне-то, как ты понимаешь, вся эта возня уже давно по барабану, а Яковлев, помню, тогда обиделся жутко. Напился и кричал, как его заколебали эти «блатные».

– И как Яковлев встретил Митрофанова?

– Да нормально встретил. Они потом вроде бы сдружились. Вместе не охоту, на рыбалочку, все праздники сообща отмечали. Жены их подружились. Так что, внешне все было тип-топ. А как на самом деле Яковлев относился к полковнику – кто ж его знает?

– А мог Яковлев от обиды «замочить» Митрофанова?

– Да ты что, Олежа! Если бы все обиженные, кого обошли по службе, стали бы «мочить» обидчиков, в армии бы офицеров не осталось. Половина в могиле, вторая половина – в тюрьме.

– Не скажи, не скажи. Кто-то, как ты, плюнет на это – мол, не за чины и награды служим. А кто-то очень желает выстроить свою карьеру, но его постоянно обходят чьи-то сыны, племянники, внуки, зятья и так далее. Накапливается обида, перерастает в ненависть, а там и до беды недалеко.

– Ну, не знаю. Это ты у нас по таким делам спец. Так вот, Яковлев – мужик скрытный, дружбу ни с кем особо не водит. Он, знаешь, из породы тех, кто дружит только с начальством, а с подчиненными всегда держит дистанцию. Митрофанов был такой же, только еще и с барскими замашками. Ну откуда это в деревенском парне?! Не иначе, влияние тестя. Я его как-то подколот, типа: быстро ты забыл, как коров в деревне пас. Так он на меня потом месяц волком глядел, даже по службе пытался ущипнуть.

– Но вы же оба «афганцы». Неужели не сошлись на этой почве?

– Да я поначалу попытался с ним сдружиться. Зашел к нему в кабинет с «пузырем». Нет, он выпил со мной, посидел, но, как бы это тебе объяснить: я четко понял, что никакой дружбы, никакого «афганского братства» не будет. Гусь свинье не товарищ! – Ильич невесело усмехнулся. – Да и были мы т а м в разное время и в разных местах. Я закончил службу в Афгане в восемьдесят седьмом, а он – в восемьдесят восьмом. Я был комбатом под Кандагаром, а он – начштаба полка в Герате. Т а м мы с ним никак не пересекались.

– Ясно, а орден у него за что?

– Не знаю. Если бы за конкретное дело, думаю, он бы рассказал. Может, по совокупности служебных заслуг. Там иногда давали штабным на выход. Не знаю...

– А семья?

– Семья у него хорошая. Жена Татьяна – баба небалованная, добрая, и не скажешь, что генеральская дочка. Вот смотри, генерал дочку хорошо воспитал, а из зятя сноб прёт... пёр, хотя, вроде бы, должно было быть наоборот. Танька его очень любила, а вот Петька, похоже, женился на погонах тестя. Нет, – Ильич перехватил вопрошающий взгляд Олега, – внешне все было благопристойно. Они никогда не ругались, во всяком случае, на людях. Но – я не знаю, как объяснить: чувствовалось, что он к ней равнодушен.

– У него кто-то был на стороне?

– Не знаю, мне ничего об этом не известно. Хотя... Ты знаешь, месяц назад я был у Димки Пашкевича на дне рождения дочери. Погуляли, выпили...

– Ну? – нетерпеливо перебил Олег.

– Так вот, стало быть, когда я уходил от Димки, уже ночь была. Я вышел из подъезда, а в соседний подъезд шмыгнул Митрофанов. Я еще подумал: куда он прется ночью?

– И что?

– А ничего. Просто в этом подъезде живет мой ротный – капитан Татаринцев с женой. Я еще тогда удивился: странно, Татаринцев на полигоне, а Митрофанов к нему в гости намылился.

– А почему ты решил, что к Татаринцевым? В подъезде же пятнадцать-двадцать квартир?

– Пятнадцать, вот только из наших там живет только семья Татаринцева.

– Ну и что, может, он к кому-либо другому пошел?

– Тогда я тоже так подумал. А вот теперь прикинул: смотри, Татаринцев недавно получил капитана до срока. За какие такие заслуги? Офицер он посредственный, звезд с неба не хватает. Зато его рота чаще всех выходит на полигон. Митрофанов подшучивал: будем, мол, из твоего ротного делать образцового офицера.

– Что, думаешь, дошутился? – Ильич взглянул на Олега уже довольно осоловевшими глазами. – Да нет, куда ему? Кишка тонка. Олежа, давай еще по одной!

– Нет, – Олег решительно накрыл ладонью свой стакан. – Мне еще пахать.

– Ага, мы пахали – я и трактор. Бросаешь, значит, старого друга на произвол судьбы? – нарочито слезливым тоном заныл Ильич.

– Не на произвол судьбы, а в ласковые руки «пузыря». Вот погоди, заявится на дачу Ольга, она тебе вставит по самое некуда...

– Что?! Да я держу жену вот где! – Ильич сжал кулак и затряс им.

Олег встал, отрезал от истерзанной буханки аккуратный ломоть хлеба, выбрал из миски более или менее приличный кусок колбасы, тонко порезал огурчик и сложил бутерброд.

– Водиле, – пояснил он недоуменно глазающему на него Ильичу. – Ну, бывай, – Олег обнял друга и пошел к машине.

– Ешь, – сунул он бутерброд водителю. – В отдел.

Водитель молча ответил благодарным кивком.

Ояр Долгоногов сидел в просторном салоне квартиры Митрофановых в мягком кожаном кресле напротив хозяйки. Рядом на диване расположились Венский и Коношонок. Венский задавал вопросы, в Коношонок записывал все в протокол допроса потерпевшего. Островецкий потом вынесет все нужные постановления, а пока можно допросить Митрофанову сразу под протокол. Если нужно будет, Олег ее потом передопросит.

Татьяна была одета в простенький домашний халатик, который постоянно натягивала на соблазнительные круглые коленки. На ее миловидном лице с припухшими от слез глазами застыло недоумение: как же это вдруг такое могло произойти со мной? Кто посмел вторгнуться в мой уютный, спокойный мир?

О гибели мужа ей сообщили несколько часов назад замполит и начштаба полка. Поэтому первая волна истерики миновала Долгоногова с товарищами. Они пришли позже, когда Митрофанова уже немного успокоилась и могла более или менее внятно отвечать на вопросы. Коношенок уже дописывал четвертую страницу, но интересного там было мало. Разве что, когда полковник уходил из дома, то при нем был дорогой кожаный кейс с какими-то бумагами, с которыми он накануне вечером работал в кабинете. Также при нем были бумажник и часы. Точную сумму денег в бумажнике она не знает, а вот часы – «командирские», да не те простые, которые можно купить в любом магазине «Военторга», а дорогие, именные – подарок ее отца. Эти часы выпускались в очень ограниченном количестве как наградные для высшего командного состава. Коношенок тщательно записывал приметы вещей.

Ояр встал из кресла и прошелся по квартире. Он уже давно не испытывал никакого стеснения при осмотре жилья людей, попавших в круг его служебных интересов. Долгоногов спокойно заглядывал в шкафчики, в чулан, в туалет, переставлял с места на место предметы. Со стороны его поведение могло показаться немного хамским и беспардонным, но он не обращал на это никакого внимания. Так было нужно для дела. Четырехкомнатная квартира улучшенной планировки была обставлена дорогой и красивой мебелью. В салоне стоял мягкий кожаный гарнитур: диван и два кресла. На полу дорогой афганский ковер ручной работы. Такой же – на стене. Дефицитная гдээрдовская стенка, забитая хрусталем. Обеденный стол с инкрустацией. Журнальный столик в тон обеденному. Югославский спальный гарнитур. Комната дочери обставлена изготовленной на заказ рижской мебелью. Все дорого, солидно. Новейшая аппаратура, хрустальная люстра. Но больше всего Ояра поразили антикварный письменный стол в кабинете полковника. Резные дверцы бюро, инкрустированные разными сортами дерева тумбы стола, – такой мебели Долгоногову видеть еще не доводилось. И личная «Волга» в гараже около дома.

«Да, нехило нынче живут полковники, – подумал Ояр. – Хотя, с другой стороны, командир полка, вернулся из Афгана, тесть – опять же.... А у тестя откуда такие бабки? Генеральское жалованье, конечно, не маленькое, но.... Ладно, не мое это дело», – мысленно оборвал себя Ояр.

Настойчиво тренькнул дверной звонок.

– Я открою, – бросил Ояр и пошел к входной двери. Он посмотрел в дверной глазок. На площадке стоял молодой офицер в форме капитана-танкиста. Ояр открыл дверь.

– С кем имею честь? – не пропуская капитана в квартиру, спросил он.

– А вы кто такой? – капитан попытался протиснуться внутрь.

Ояр неназойливо преградил ему путь. Поняв, что обойти препятствие не удастся, капитан сделал шаг назад.

– Заместитель начальника особого отдела танкового полка капитан Лагутовский, – несколько церемонно представился он.

– Старший оперуполномоченный уголовного розыска капитан Долгоногов, – в тон ему ответил Ояр.

– Что здесь происходит?

– Здесь происходит допрос потерпевшей и осмотр ее места жительства, с ее любезного разрешения, разумеется, – учтиво сообщил Ояр.

– Я запрещаю проводить допрос! Немедленно покиньте квартиру! Все контакты с женой полковника – только в нашем присутствии!

Ояра Долгоногова очень тяжело было вывести из себя, но Лагутовскому это удалось. Вzbешенный Ояр схватил капитана за отвороты кителя и прижал его к дверям соседней квартиры.

– Слышь ты, мудака! – яростно прошипел Долгоногов в лицо капитану. – Запрещать будешь своей бабушке какать на подушку! Давай, катись отсюда, иначе никогда не бывать тебе майором.

Ояр развернул капитана лицом к лестничному маршу, но толкать не стал. Он уже взял себя в руки, да и Лагутовский, напуганный вспышкой ярости этого громилы, не перечил.

– Топай, юноша, топай, – почти ласково проворковал Ояр. «Юноша» был его ровесником.

Долгоногов вернулся в квартиру.

– Мужики, вы тут закругляйтесь, а я возьму Козуба и смотаюсь в одно местечко, мысль возникла: заскочить в винно-водочный магазин, поговорить с завсегдатаями. Этот магазин открыт недавно, работает круглосуточно, он – место встречи всех окрестных «страдальцев». Может, кто-то приходил ночью за «догоном» и видел что-нибудь необычное или кого-нибудь...

– А мы как доберемся до отдела? – спросил Венский.

– Так на общественном транспорте – не баре, чай! – насмешливо ответил Ояр и тут же устыдился своих слов. Женька ведь вместе с ним уже вторые сутки пашет.

– Ладно, – примирительно произнес он, – я сейчас свяжусь по рации с дежуркой, чтобы прислали за вами машину.

– Я и сам могу позвонить, – возразил Женька.

– Одно дело ты, другое – я, понимать надо, юноша! – усмехнулся Ояр. «Да что ко мне это слово прилипло?» – подумал он.

– Найдите, пожалуйста, того, кто Петеньку убил, – вдруг, еле слышно прошептала Татьяна, обращаясь к Ояру. В этом огромном сильном парне она инстинктивно чувствовала защитника, способного помочь ей в горе.

Ояру вдруг стало ее безумно жаль. Бедняжка, она, ведь, еще не до конца понимает, что стала вдовой. Она ведь еще не видела покойника, не похоронила его. Боль уже затмила ее разум, но еще не дошла до сердца.

– Мы постараемся его найти, – Ояр осторожно погладил ее по плечу. – Мы очень постараемся... – он резко повернулся и направился к выходу.

Новый винно-водочный магазин располагался около гостиницы «Волна». Ояр прибыл сюда в надежде разыскать кого-нибудь, кто заходил сюда ночью. Ведь эти люди находились неподалеку от места преступления и могли что-либо видеть. Ояр вошел в магазин и направился к прилавку. Продавец был ему незнаком. «Мое упущение, – подумал Ояр, – на своей территории я не знаю продавца такой важной точки. Надо будет наладить с ним контакт – здесь можно получать ценную информацию».

Ояр достал удостоверение и показал его продавцу. Тот молча кивнул.

– Послушай, дружище, – Долгоногов постарался придать своему голосу максимум дружелюбия. – Кто работал сегодня ночью?

– Мой сменщик.

– И кто у нас сменщик?

– Юрис Звирбулис.

«И этот незнаком. Старею, – подумал Ояр, – точка работает уже месяц, а я не знаю ни владельца, ни продавцов. Стыдно, Ояр Петрович».

– А адресок Юриса? – спросил он.

В этот момент в магазин зашел немного помятый молодой мужчина в спортивных штанах и джинсовой куртке.

– Ояр, дружбан, сколько лет?! – и бросился обнимать Долгоногова.

– Мишка, здорово! – Ояр хлопнул вошедшего по плечу.

С Михаилом Семеновым он учился в одном классе. После школы Мишка окончил мореходку и, с тех пор, ходил в море механиком на сухогрузах.

– Ояр, встречу надо обмыть! А я уже второй день гужбаню – вчера списался с судна. Четыре месяца болтались в Атлантике.

– Подожди, Мишаня! Я здесь по делу. Ну, как насчет адресочка? – Ояр повернулся к продавцу.

– Так уже приходил кто-то из ваших, в форме. Я ему дал...

«Уже опередил кто-то», – усмехнулся Ояр.

– А что еще хотел? – вслух спросил он.

– Просил назвать завсегдатаев. Я назвал, кого знаю.

– Ну, молодец, думаю, мы с тобой подружимся, – улыбнулся Долгоногов.

– Ояр, а в чем дело-то? – встрял в разговор Мишка.

– Да вот, ищу людей, кто приходил сюда ночью за спиртным.

– Я приходил. У нас кончилась поддача, и я прибежал сюда затариться.

– Так-так-так, – Ояр напрягся. – Когда это было?

– Да где-то в районе часу ночи. Не помню точно – я уже был хорошо «датый».

– В магазине еще кто-нибудь был?

– Кроме продавца, никого...

– Ну, а по пути кого-нибудь встретил?

– Когда шел в магазин – нет. А, вот, когда выходил – на меня чуть не наехал какой-то козел на велосипеде. Гад – мне бутылки едва не разбил...

– И как он выглядел?

– Да не помню я, темно было, пьяный был...

– Ну, старый-молодой, высокий-низкий? Вспоминай, Мишаня!

– Молодой – это точно. Он еще, сука, обматерил меня. Крупный такой парень, одет был во что-то темное...

– А лицо, лицо запомнил? Описать его сможешь?

– Не знаю, вряд ли. Это мгновение было. Он чуть не сбил меня, обматерил и уехал.

– А откуда он ехал?

– Со стороны порта.

– Ладно, Мишаня, – Ояр понял, что больше ничего не добьется. – Бывай! Как буду посвободнее, заскочу, – хлопнув старого приятеля по плечу, Долгоногов вышел из магазина.

Велосипед! Вот почему собака потеряла след. Конечно, если это был преступник. Но Ояр почему-то был уверен, что это именно он чуть не сбил Мишаню. А не прост этот парень, ой не прост! Правильно, велосипед меньше привлекает внимания, чем, допустим, автомобиль, а передвигается достаточно быстро, можно ехать дворами. Можно ехать там, где не пройдет машина, – скверами или лесопосадками. И запомнить велосипедиста значительно сложнее, чем, допустим, пешехода. Что же, толково, толково...

Заместитель начальника особого отдела Прибалтийского военного округа полковник Шульгин энергичным шагом вошел в кабинет командира танкового полка. Находившиеся там офицеры встали. Шульгин прошел к месту во главе стола, окинул взглядом присутствующих. Всех этих офицеров он знал по службе и многие были его подчиненными.

Совещание начальников особых отделов частей гарнизона решили проводить в кабинете командира полка по нескольким причинам: во-первых, кабинет был достаточно просторен, а во-вторых, там можно было соблюсти некоторую конфиденциальность. Кабинет был отделен от коридора помещением адъютанта, получившего приказание никого из посторонних не пропускать. Была еще одна причина: к кабинету примыкала комната отдыха с дополнительным выходом непосредственно в коридор.

Полковник только что приехавший из Риги, немного устал с дороги, но от предложенного обеда отказался: не хотелось терять времени. Он лишь попросил принести ему чаю в кабинет.

– Прошу садиться.

Полковник подождал, пока все рассядутся, но совещания не начинал. Наконец в кабинет вошел адъютант командира полка со стаканом крепкого чая в мельхиоровом подстаканнике на подносе. Он поставил стакан перед полковником и вытянулся в ожидании новых приказаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.